
ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 342
ББК 67.400

DOI 10.22394/1682-2358-2019-6-4-17

D.S. Velieva, *Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Constitutional and International Law Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*

M.V. Presnyakov, *Doctor of Sciences (Law), Professor of the Constitutional and International Law Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*

CONTENT OF THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF LEGAL CERTAINTY: “Law Quality” Standards and Law Enforcement Imperatives

Substantive characteristics of the constitutional principle of legal certainty, which in the opinion of some authors has a complex multidimensional structure, are considered. Special rules for the application of legal norms aimed at ensuring the certainty of the result of the legal impact on the system of social relations or at eliminating the possible uncertainty of such impact are analyzed.

Key words and word-combinations: legal certainty, certainty of legal status, legal stability, legitimate expectations.

Д.С. Велиева, *доктор юридических наук, заведующий кафедрой конституционного и международного права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: ya.wds05@yandex.ru)*

М.В. Пресняков, *доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и международного права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: presnykov1972@yandex.ru)*

СОДЕРЖАНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ: стандарты «качества закона» и правоприменительные императивы*

Аннотация: Рассматриваются содержательные характеристики конституционного принципа правовой определенности со сложной многомерной структурой. Анализируются правила применения правовых норм, обеспечивающих определенность либо элиминацию возможной неопределенности результата правового воздействия на систему общественных отношений.

Ключевые слова и словосочетания: правовая определенность, определенность правового статуса, правовая стабильность, правомерные ожидания.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-011-00418 А.

Принцип правовой определенности обладает широким и многомерным содержанием, включая различные, нередко разноплановые стандарты, требования и императивы. Например, И.С. Дикарев в содержании принципа правовой определенности выделяет конкретный набор императивов-требований, обращенных как к законодателю, так и к правоприменителю: а) стабильность правового регулирования; б) осведомленность гражданина относительно действующих законов и подзаконных нормативных актов, а также правоприменительных решений, затрагивающих его права и законные интересы; в) ясность, недвусмысленность и согласованность правовых норм, правоприменительных решений; г) единообразное применение закона (в том числе единство судебной практики); д) стабильность правоприменительных решений; е) исполнимость судебных решений [1, с. 5].

А.В. Должиков, рассматривая принцип правовой определенности (охраны доверия) в рамках прецедентной практики Европейского суда по правам человека, выделяет следующие его элементы: а) четкость (непротиворечивость) содержания закона; б) предсказуемость и доступность законов; в) охрана доверия и запрет обратной силы закона [2]. Помимо собственно принципа правовой определенности, он выделяет еще и принцип процессуальной определенности, который, по его мнению, выражает идею доверия к правосудию. В качестве элементов (составляющих) принципа процессуальной определенности А.В. Должиков называет следующее: а) принцип «resjudicata» («решенное дело»), что означает недопустимость произвольного пересмотра окончательного и вступившего в силу судебного решения; б) доверие к правосудию при формировании суда; б) доверие к осуществлению правосудия.

По нашему мнению, вряд ли можно согласиться с выделением именно этих элементов в составе принципа процессуальной определенности, однако сама по себе идея о существовании не только материально-правовых качеств — критериев правовой определенности закона, но и конкретных процессуальных императивов, регламентирующих деятельность правоприменителя и направленных на обеспечение правовой определенности, представляется весьма интересной.

М.В. Сидоренко в докторской диссертации на основе анализа различных подходов к выявлению содержательных характеристик принципа правовой определенности выделяет три группы элементов, составляющих идею (принцип) правовой определенности [3].

Прежде всего эта идея выражается в потребности в стабильном правовом регулировании, что предполагает следующее: относительную временную и смысловую стабильность нормативного регулирования; формальную определенность правовых предписаний; определенность и стабильность правового статуса; точность, ясность и системную непротиворечивость правовых предписаний.

Второй составляющей принципа правовой определенности, на взгляд ученого, является «потребность определенности динамики (применения) права», что выражается посредством: единообразия в понимании и применении

одних и тех же норм; устойчивости судебных актов (прецедентов, правовых позиций); определенности иных индивидуальных нормативных правовых актов, реализуемых органами, действующими *ex officio*.

Наконец, в качестве третьей группы элементов идеи, или принципа, правовой определенности М.В. Сидоренко называет правило «*res judicata*», которое предполагает «окончателность и обязательность судебных решений, вступивших в законную силу; их непоколебимость и исполнимость» [3].

В одной из более ранних работ авторы данной статьи выразили сомнение в возможности формализации содержательной характеристики принципа правовой определенности в связи с разноплановым и эклектичным характером требований, которые обыкновенно включаются в его состав [4]. В связи с этим М.В. Сидоренко высказала в наш адрес справедливый «упрек» в нежелании разобраться и дать разумное и операциональное описание элементов, составляющих данный принцип. Собственно, данной задаче и посвящена представленная работа.

Прежде всего, если рассуждать об операциональных характеристиках принципа правовой определенности, то под ними следует понимать некие требования, стандарты, императивы, которые направлены на обеспечение определенности правового регулирования общественных отношений. Некоторые ученые, стремясь разграничить «право» и «не право», склонны сводить всю проблематику правовой определенности к определенности права [5], что, на наш взгляд, является принципиально неверным.

Определенность права, по нашему мнению, может рассматриваться в качестве необходимого, но не достаточного условия правовой определенности, поскольку текстуальная, смысловая, системная определенность нормативно-правовых актов и иных источников права необходима не сама по себе, а лишь для того, чтобы обеспечить определенность правового регулирования соответствующей сферы общественных отношений.

Целью определенности права всегда является определенность возникающих на его основе правовых отношений, а поскольку содержанием таких правоотношений являются субъективные права и обязанности, то и задача обеспечения определенности права редуцируется к проблеме определенности правового статуса участников соответствующих правоотношений, то есть собственно правовой определенности.

Например, требования ясности, точности и недвусмысленности правовой нормы, которые неоднократно констатировались и Европейским судом по правам человека, и Конституционным Судом РФ как необходимое условие всякого правового регулирования, в сущности, предполагают, что закон должен быть понятен как субъекту, права и обязанности которого он затрагивает, так и правоприменителю, чье усмотрение должно быть четко регламентировано данным законом.

Таким образом, в отличие от определенности права, правовая определенность представляет собой не технико-юридическое свойство права самого по себе, а определенное качество правового регулирования, которое выражается в соотношении юридических норм с фактическими общественными отноше-

ниями. Правовая определенность, если можно так выразиться, кроется в «зазоре» между правом и правоотношением.

Принцип же правовой определенности, соответственно, предполагает некую систему требований и критериев, необходимых для надлежащей реализации правовых норм и наряду (а также во взаимосвязи) с принципами законности, равенства и другими обеспечивает надлежащую реализацию права. Кстати, определенность права в этом смысле выступает одним из требований, входящих в содержание принципа правовой определенности.

Исходя из этого требования, составляющие принцип правовой определенности (стандарты правовой определенности) можно подразделить на две группы: во-первых, императивы, которые устанавливаются в отношении права как такового — определенность права, и, во-вторых, требования и критерии, предъявляемые к реализации правовых норм в системе общественных отношений.

В первую группу входят прежде всего стандарты «качества закона», то есть такие требования к правовым нормам, взятым (обязательно) в их системной взаимосвязи, которые исключают их неоднозначное понимание, толкование и, в конечном счете, произвольное применение. В наиболее простом понимании данные требования можно сформулировать как стандарт формальной определенности нормы права как таковой, который, тем не менее, призван обеспечить правовую определенность применения данной нормы к конкретным общественным отношениям.

Европейский суд по правам человека, обозначая критерии допустимости «вмешательства» в права, гарантированные Конвенцией (ограничение, законодательное регулирование и т.п.), подчеркивает, что такое вмешательство должно быть основано на законе (предусмотрено законом). В данном случае имеется ввиду не формальное закрепление вмешательства нормативно-правовым актом, а соблюдение определенных требований к «качеству закона», соответствия его требованиям верховенства права. Это, в свою очередь предполагает, чтобы закон был доступен соответствующим лицам и сформулирован с достаточной точностью, чтобы позволить указанным лицам — с помощью совета, при необходимости — предвидеть в степени, разумной в конкретных обстоятельствах, последствия, которые может повлечь то или иное деяние [6, с. 104–120].

Доступность закона — это требование принципа правовой определенности, которое характеризует формальные технико-юридические характеристики правовой системы: доступность, с одной стороны, означает понятность закона широкому кругу лиц, а с другой — возможность ознакомиться с его содержанием, что предполагает наличие определенных процедур официального доведения до сведения субъектов права его положений. Сегодня основной процедурой, обеспечивающей доступность закона в данном смысле является его официальное опубликование. «Обязанность опубликования законов, повторяя предписание римского права (*non obliet lex nisi promulgata*), является общим принципом для многих современных государств» [7].

Российская практика конституционного правосудия в этом плане была связана с довольно устойчивой практикой ограничения прав или привлечения к ответственности на основе «засекреченных» документов, то есть содержащих сведения, составляющие государственную тайну, которые по этой причине не были официально опубликованы. Так, в постановлении Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности ряда положений пункта «а» статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Смирнова» указано, что правоприменительное решение, включая приговор суда, не может основываться на неопубликованном нормативном правовом акте, что вытекает из ст. 15 (часть 3) Конституции РФ. Эта правовая позиция неоднократно подтверждалась впоследствии. В определении Конституционного Суда РФ № 170-О от 13 июня 2002 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Никитина Александра Константиновича на нарушение его конституционных прав положениями части пятой статьи 9 Закона Российской Федерации “О государственной тайне”» указано, что в силу ч. 4 ст. 29 Конституции РФ уголовная ответственность за выдачу государственной тайны иностранному государству правомерна лишь при условии, что перечень сведений, составляющих государственную тайну, содержится в официально опубликованном для всеобщего сведения федеральном законе.

Вместе с тем «доступность закона» предполагает не только собственно доступ к его тексту, но и возможность понимать смысл содержащихся в нем требований. Европейский суд по правам человека полагает, что какая-либо норма не может считаться «законом», если она не сформулирована с достаточной точностью так, чтобы гражданин самостоятельно или, если понадобится, с профессиональной помощью мог предвидеть с долей вероятности, которая может считаться разумной в данных обстоятельствах, последствия, которые может повлечь за собой конкретное действие [8, с. 549—567].

Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что из конституционных принципов равенства и справедливости вытекает требование определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы, поскольку иное не может обеспечить ее единообразное применение, не исключает неограниченное усмотрение в правоприменительной практике, и, следовательно, неизбежно ведет к произволу. Требования ясности, точности и недвусмысленности правовых норм, по мнению Конституционного Суда РФ, означают одинаковое применение закона к лицам, находящимся в сходных ситуациях и, напротив, дифференцированного — к субъектам, находящимся в различных ситуациях. При этом отступление от указанных стандартов формальной правовой определенности приводит к нарушению гарантированного Конституцией РФ принципа равенства, поскольку юридическое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования правовой нормы [9].

Еще один аспект формальной определенности правовых норм обусловлен системным характером правовых предписаний, поскольку право представляет собой не просто совокупность норм, а системное явление, которое характеризуется прежде всего наличием разнообразных связей между элементами этой

системы. Это еще один, но более сложный параметр непротиворечивости правовых норм — системная согласованность правовых предписаний.

Стандарт формальной определенности нормы права, безусловно, предполагает определенные «допуски» в виде «необходимой неопределенности, которая обусловлена абстрактным характером правовых норм. Проиллюстрируем это примерами: ст. 3 Краткой Русской Правды, которая предусматривала: «Если же кто кого ударит бато́гом, жердью, пястью, чашей, рогом или мечом плашмя, то (платить) 12 гривен. «Если (кто-либо) ударит мечом, не вынув его (из ножен), или рукоятью, то (платить) 12 гривен вознаграждения потерпевшему (ст. 4)». Отдельно предусматривалось наказание за вырывание усов, бороды и т.д. [10, с. 81]. Как отмечают исследователи этого древнейшего памятника права, наказания за незначительные телесные повреждения было достаточно суровым даже по сравнению с более тяжкими увечьями [11, с. 12–15]. Объясняется это тем, что данные деяния образуют состав оскорбления. Перечень предметов указывает, что для закона не имеет значения степень опасности для здоровья потерпевшего орудия, которым наносятся побои. Важен не столько сам удар, сколько обида, им нанесенная [12, с. 52].

Данные нормы отличаются предельной формальной определенностью, однако именно это влечет их нежизнеспособность. Реальная действительность в силу богатства ее проявлений требует более гибкого правового регулирования, способного охватывать широкий круг общественных отношений. Если же норма сформулирована по принципу *ad hoc* (под конкретную ситуацию, для конкретного случая), то неизбежно будут возникать общественные отношения, не урегулированные правом и, как следствие, неопределенность правового регулирования.

Именно поэтому появляется абстрактное понятие оскорбления, при этом возникает другая правовая неопределенность, например, необходимость разграничивать оскорбление и оценочное высказывание. Это носит характер «необходимой неопределенности», которая обусловлена необходимостью соотношения абстрактной правовой нормы с многообразными конкретными жизненными ситуациями.

В этом смысле интересна правовая позиция Конституционного Суда РФ, сформулированная в отношении допустимости использования в конструкции правовой нормы, так называемых «оценочных понятий». В частности, Суд неоднократно указывал, что использование в норме оценочных понятий не свидетельствует о неопределенности ее содержания, поскольку разнообразие фактических обстоятельств делает невозможным установление их исчерпывающего перечня в законе, а использование законодателем оценочной характеристики преследует цель эффективного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций [13; 14].

Безусловно, следует согласиться с авторами, которые отмечают, что оценочные понятия в большинстве случаев не столько создают неопределенность, сколько служат ее преодолению [15]. Приведенный пример, как представляется, может служить подтверждением позиции, высказанной Н.А. Власенко:

он предложил рассматривать понятия «определенность» и «неопределенность» в праве как парные категории, органически дополняющие друг друга. Ученый рассматривает правовую неопределенность не в качестве «девиантного» явления, а как естественный результат правового регулирования особого рода, «как позитивное свойство права». При этом под неопределенностью в качестве «позитивного свойства» он исследует, например, «вкрапления» диспозитивности и свободы усмотрения для правоприменителя, принципы права, оценочные понятия и термины и другое [16].

Нельзя не заметить, что в такой интерпретации требования «точности» и «недвусмысленности» правовой нормы в значительной степени утрачивают значение только «техничко-юридической» характеристики закона, а проблема правовой определенности переносится из формально-юридической плоскости в содержательную. Исследуя формально-юридическую характеристику правовой определенности, авторы рассматривают параметры, которые выражают «уровень законодательной техники, а не сущностную природу нормативно-правового предписания» [17]. Однако использование обобщенных понятий, оценочных характеристик, предполагающих интерпретативную деятельность правоприменителя, заставляет ставить вопрос о содержательных характеристиках определенности правового предписания.

Например, ставшая «притчей во языцех» ст. 280 Уголовного кодекса РФ («Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности») сама по себе не содержит никакой неопределенности в смысле формально-юридической неясности или противоречивости, но ее практическое применение обнаружило серьезные проблемы, связанные, в конечном итоге, с возможностью распространения данной нормы на большое количество конкретных деяний, значительно отличающихся по своему характеру и степени общественной опасности. А.Р. Султанов в своей работе «Правовая определенность — часть должной правовой процедуры или как в закон об экстремизме правовую определенность вводили» убедительно демонстрирует абсурдность ситуации, когда правовая оценка деяния в качестве преступления, за которое предусматривается уголовная ответственность, может быть дана только на основе выводов экспертов-лингвистов [18].

Иными словами, эта норма по своему характеру, безусловно, является неопределенной, однако неопределенность связана не с формально-юридическими качествами содержащегося в ней предписания, а со смысловым содержанием. Смысл же правового предписания не выводится из содержания правовой нормы, а конституируется целью осуществляемого правового регулирования, своего рода «внешним» (по отношению к праву) социальным запросом. Следовательно, и качество правовой определенности проявляется и оценивается в «зазоре» между собственно правовой нормой и практической ситуацией ее применения.

Очевидно, что «качество закона» не может исчерпываться его формальными технико-юридическими характеристиками, а должно отвечать еще и определенным требованиям к содержанию правовых предписаний, смыслу закона. Принцип правовой определенности в этом значении выступает в качестве

определенного императива, обращенного к законодателю, в соответствии с которым он должен при осуществлении правового регулирования избегать произвольного вмешательства в содержание прав и свобод, гарантированных личности.

Когда говорится о верховенстве права или о правовом государстве (по нашему мнению, принципиальной разницы между смысловым содержанием английского и немецкого вариантов данного концепта нет), то имеется в виду нечто отличное от принципа законности в значении «правовой дисциплины», а именно подчинение власти праву (не закону) — определенной совокупности основополагающих принципов и норм, которые выполняют учредительную функцию по отношению к системе права. К ним, безусловно, относятся основные права и свободы человека и гражданина, закрепленные в общепризнанных принципах и нормах на международном уровне и в национальных конституциях — на внутригосударственном.

Профессор права Бостонского университета Рэнди И. Барнетт (Randy E. Barnett), отстаивая достаточно спорную идею «легитимности конституции без всеобщего согласия», тем не менее справедливо отмечает, что фокус конституционного (в широком смысле то, что в российской конституционно-правовой доктрине обозначают термином «конституционализм») регулирования общественных отношений выражается в принципе — «сначала права, а затем закон» или «сначала даются права, а затем устанавливается правление»: «Исторически права, которые существуют у человека вне зависимости от правительства, называются “неотъемлемыми” или “естественными” правами. Сегодня их часто называют “правами человека”» [19].

Конституция закрепляет основные права и свободы в самом общем виде, нередко ограничиваясь даже не их содержанием, а кратким наименованием. Например, согласно ст. 32 (часть 2) Конституции РФ граждане имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме. Действительное содержание данных прав, очевидно, находится «за пределами» приведенной конституционной нормы и во многом связано с законодательными установлениями: кто, при соблюдении каких условий и в каком порядке может быть избранным, например, в органы государственной власти и органы местного самоуправления.

В этом таится большая опасность, связанная с возможностью подконституционного «свертывания» конституционных прав и свобод посредством их чрезмерно ограничительного регулирования. Собственно, этот процесс является весьма характерным для современной России. Например, ограничение круга вопросов, выносимых на референдум, а также усложнение процедуры его проведения привело к тому, что первый и единственный всероссийский референдум состоялся только в связи с принятием Конституции в 1993 г., а все дальнейшие попытки его проведения оказались безуспешны [20].

В связи с этим Конституция РФ закрепляет положение, согласно которому в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина (ч. 2 ст. 55). Данное пра-

вовое предписание может рассматриваться как нормативное выражение принципа правовой определенности в его «содержательном смысле». Вместе с тем оценочная характеристика закона как «умаляющего» основные права и свободы невозможна средствами ординарного судебного контроля (по крайней мере в современной России), поскольку суды в своей деятельности должны подчиняться закону, а данное положение Конституции РФ представляет собой именно гарантию защиты от «неправового закона». Именно поэтому согласно действующему законодательству в случае возникновения неопределенности в вопросе соответствует ли подлежащий применению закон положениям Конституции, суд должен воздержаться от разрешения дела и обратиться с запросом в Конституционный Суд РФ.

Весьма характерно, что прямое противоречие нормы закона положениям Конституции РФ — ситуация весьма редкая (явно неконституционные законы «отсеиваются» на этапе их рассмотрения в Государственной Думе РФ), поэтому чаще всего Конституционным Судом РФ разрешается вопрос о соответствии или не соответствии закона именно смыслу конституционно-правовых норм. Нередки также ситуации, когда Суд в отношении одной и той же нормы закона выносит решение о том, что она не противоречит Конституции РФ в рамках определенного правоприменения и не соответствует Основному Закону в контексте другой правоприменительной практики. Иными словами, Суд оценивает смысловое содержание той или иной нормы закона в ситуации конкретной практики ее применения.

Еще один вектор действия принципа правовой определенности, также связанный с содержательными характеристиками закона, обусловлен неизбежной динамикой изменения текущего законодательства. Известна устойчивая правовая позиция Конституционного Суда РФ, согласно которой законодатель, осуществляя правовое регулирование, связан требованиями разумной стабильности, недопустимости внесения произвольных изменений в действующую систему норм с тем, чтобы субъекты права могли быть уверены в стабильности своего правового статуса и предвидеть юридические последствия своих действий. Эту составляющую принципа правовой определенности в доктрине принято также называть «принципом поддержания доверия к закону» [21].

Нормативно этот принцип также вытекает из общего положения Конституции РФ о недопустимости принятия законов, отменяющих или умаляющих права и свободы человека и гражданина. Однако здесь можно назвать и более «строгие» императивы, связанные с реализацией данного принципа. Например, согласно ст. 54 Конституции РФ закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет, и, напротив, придается обратная сила закону, устраняющему или смягчающему ответственность. Данные правила выражают «формальный» аспект динамической характеристики принципа правовой определенности.

Судья Конституционного Суда РФ Г.А. Гаджиев называет подобного рода императивы принципом юридической безопасности и видит основное его содержание в требованиях отсутствия обратной силы новопринятого

закона, а также неизменности приобретенных прав и законных ожиданий [22, с. 82].

Проблема в данном случае связана с тем, что действительное содержание того или иного основного права (включая его объем, условия правопользования, возможные ограничения) конституируется определенной отраслевой моделью его реализации, то есть напрямую зависит от текущего законодательства. Между тем законодательство не может оставаться статичным: указанные отраслевые модели реализации конституционных прав трансформируются, а иногда и полностью сменяются новыми механизмами нормативного опосредования.

В подобных ситуациях особое значение приобретает являющееся результатом принципа правовой определенности требование неизменности уже приобретенных прав. Например, в 2018 г. законодатель увеличил требования к возрасту как условия приобретения права на пенсию по старости, однако это изменение, безусловно, не коснулось тех лиц, которые уже приобрели данное право и являются получателями данной пенсии.

Данное требование часто ошибочно отождествляют с запретом ретроактивности закона, отсутствием у него обратной силы. Это не совсем так, поскольку по смыслу конституционных положений запрет обратной силы распространяется лишь на закон, устанавливающий ответственность за правонарушение. Полный же запрет ретроактивности закона невозможен, да и нецелесообразен, поэтому действующим законодательством часто закрепляется правило, согласно которому в отношениях, возникших до введения в действие закона или иного нормативного правового акта, указанный закон или акт применяется к правам и обязанностям, возникшим после введения его в действие.

Однако на практике имеются примеры, на наш взгляд, неконституционного и несправедливого подхода к пониманию и применению данного правила. Так, в 2010 г. законодатель установил ограничение на занятие трудовой деятельностью в сфере образования, воспитания и развития несовершеннолетних в связи с наличием судимости (в том числе снятой или погашенной) за широкий круг уголовных преступлений. После этого по России прокатилась волна увольнений педагогических и иных работников, которые когда-то привлекались к уголовной ответственности, но были приняты на работу задолго до принятия указанных изменений, а в судебной практике сложилась устойчивая правовая позиция, согласно которой факт возникновения трудовых правоотношений до принятия изменений не препятствует применению указанных ограничений к правам и обязанностям, возникающим после вступления их в силу [23]. Как представляется, это весьма спорная и уязвимая позиция, поскольку заключив трудовой договор, лицо уже реализовало свое право на труд (свободу труда) и последующее увольнение со ссылкой на вновь принятый закон представляется нарушением требования уважения приобретенных прав и принципа правовой определенности.

Данная проблема многократно усложняется применительно к социальным правам. Так, Конституционный Суд РФ неоднократно отмечал, что соблю-

дение принципа доверия граждан к закону, в частности, означает недопустимость произвольного отказа государства от взятых на себя обязательств в социальной сфере, то есть законодатель не может произвольно уменьшать гарантированный гражданам уровень и объем социальных гарантий [24]. В противном случае подрывается авторитет государственной власти, уважение граждан к закону, умаляется достоинство личности [25].

Законодательное изменение содержания и формы ранее установленных льгот и социальных гарантий должно осуществляться законодателем таким образом, чтобы соблюдался принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, что предполагает правовую определенность, сохранение разумной стабильности правового регулирования, недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм, предсказуемость политики в социальной сфере [26]. Сложность заключается в том, что ряд прав приобретается не одномоментно: хотя с юридической точки зрения и можно заявлять о моменте приобретения субъективного права, но фактически «аккумуляция» права осуществляется в течении длительного периода. Это имеет прямое отношение к тем социальным правам, финансирование которых осуществляется за счет страховых взносов или тем, которые в качестве условия реализации предполагают наличие определенного стажа, выслуги и т.п.

Например, если получение права на пенсию за выслугу лет обусловлено наличием такой выслуги не менее 15 лет (это условие до 2017 г. было предусмотрено в отношении государственных гражданских служащих), то лицо, прослужившее в органах государственной власти 10 лет, фактически приобрело право на какую-то «часть» данного права. В этом случае, меняя механизм реализации права на пенсию по выслуге лет (как это произошло в 2017 г.), законодатель должен учитывать имеющиеся у таких лиц «правомерные ожидания» относительно приобретения права, часть условий для которого ими уже была выполнена. При этом, как справедливо отметил Судья Конституционного Трибунала Польской Республики Л. Гарлицкий, вмешательство в «законные ожидания» относительно права имеет более широкие пределы, чем вмешательство в уже приобретенное право: «...следует отличать ситуацию в отношении тех, кто уже получил право на пенсию по старости и инвалидности, от ситуации в отношении тех, кто, работая и уплачивая взносы, имеет лишь «ожидания», что такие права будут предоставлены им в будущем» [27, с. 20].

Правовым средством защиты «правомерных ожиданий», а, следовательно, обеспечения принципа поддержания доверия граждан к закону и принципа правовой определенности в целом может быть установление различного рода переходных периодов от ранее действовавшего к новому правовому регулированию условий приобретения и механизмов реализации того или иного права. Конституционный Суд РФ весьма «осторожно» подходит к оценке правомерных ожиданий и, как правило, связывает момент их возникновения с полным выполнением гражданином всех необходимых для возникновения права условий. Однако известна устойчивая правовая позиция Суда, согласно которой принцип

поддержания доверия граждан к закону и действиям государства предполагает не только обеспечение разумной стабильности правового регулирования и недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм, но и в случае необходимости предоставление гражданам возможности, в частности посредством временного регулирования, в течение разумного переходного периода адаптироваться к вносимым изменениям [28].

До настоящего времени принцип правовой определенности рассматривался как своего рода эмерджентная характеристика правовой системы. Названные стандарты «качества закона» как с позиции формально-юридической определенности правовых предписаний, так и с точки зрения содержательной определенности нормы права, по сути представляют собой материальные требования-характеристики, обращенные преимущественно к законодателю. Однако, поскольку принцип правовой определенности детерминирует не только законотворческую, но и правоприменительную деятельность, в его содержании можно выделить, кроме того, и процедурные или процессуальные императивы, обращенные к правоприменителю. Они представляют собой специальные правила применения правовых норм, направленные на обеспечение определенности результата правового воздействия на систему общественных отношений или элиминацию возможной неопределенности такого воздействия. Например, с целью обеспечения системной согласованности действия правовых норм используются правила разрешения юридических коллизий. Так, в случае противоречия между различными нормативно-правовыми актами одного уровня по юридической силе применению подлежит более поздний по дате принятия акт. С этой же целью используется правило общей и специальной нормы: в случае коллизии общей и специальной нормы применению подлежит специальное предписание, и — лишь при его отсутствии общая норма.

К правовым средствам обеспечения правовой определенности в процессе правоприменительной деятельности относятся применяемые в ряде отраслей российского права правила аналогии права и аналогии закона, которые призваны, если не устранить, то восполнить дефекты правовой определенности закона — правовые пробелы. Если же в рамках «дозвоительного», диспозитивного правового регулирования аналогия права или аналогия закона выступает средством обеспечения правовой определенности, то при «запретительном», императивном регулировании таким средством, напротив, является запрет применения законодательства по аналогии. В частности, общепризнанный принцип «*nulla poena sine lege*» (лат. «нет наказания без закона») означает, что определение преступления должно быть точно истолковано и не должно применяться по аналогии. В случае двусмысленности определение толкуется в пользу лица, которое находится под следствием, в отношении которого ведется судебное разбирательство или которое признано виновным.

Спецификой выделенных процедурных императивов принципа правовой определенности является их «инструментальный» характер, поскольку они представляют собой определенные стратегии действий правоприменителя в ситуации возможной правовой неопределенности. В частности, этой цели служат правовые презумпции, которые позволяют принять то или иное решение

в отсутствие достаточных данных. «*Praesumptio innocentiae*» или презумпция невиновности означает, что лицо считается невиновным, пока его вина в совершенном преступлении не будет доказана в порядке, предусмотренном законом, и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Иными словами, в ситуации отсутствия доказательств как вины, так и невиновности лица возникает неопределенность, связанная с возможностью привлечения его к ответственности, разрешать которую призвана вышеупомянутая презумпция. Этой же цели достигает закрепленная в ст. 48 Семейного кодекса РФ презумпция отцовства мужа матери, согласно которой, если ребенок родился от лиц, состоящих в браке, а также в течение 300 дней с момента расторжения брака, признания его недействительным или с момента смерти супруга матери ребенка, отцом ребенка признается супруг (бывший супруг) матери, если не доказано иное.

Специальные процедурные правила предусматриваются и с целью обеспечения стабильности правового положения субъекта. Здесь можно назвать принцип *non bis in idem*, согласно которому никто не может привлекаться к ответственности дважды за одно и то же деяние.

Подобные требования-императивы можно охарактеризовать как средства, юридические инструменты обеспечения правовой определенности регулирующего воздействия права на систему общественных отношений. В отличие от «стандартов качества» закона они не являются «свойством» или «качеством» системы правовых норм, а представляют собой именно правовые средства, призванные «внести» необходимую определенность в регулирование общественных отношений.

Библиографический список

1. Дикарев И.С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе. Волгоград, 2015.
2. Должиков А.В. Принцип правовой определенности (охраны доверия) в практике Европейского суда по правам человека как условие преодоления коррупции и правового нигилизма // Правовой нигилизм, коррупция и легализация (отмывание) преступных доходов: грани соотношения, способы преодоления: материалы международного научно-практического семинара / отв. ред. В.В. Невинский. Барнаул, 2009.
3. Сидоренко М.В. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права: ... дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2017.
4. Пресняков М.В. Правовая определенность и определенность прав в современном конституционно-правовом дискурсе // Гражданин и право. 2014. № 4.
5. Еришов В.В. Парные категории «определенность права» и «неопределенность права» // Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики: материалы XII Международной научно-практической конференции: в 3 ч. М., 2018. Ч. I.
6. Дело «Лю и Лю (Liu and Liu) против Российской Федерации»: постановление Европейского Суда по правам человека от 6 дек. 2007 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2008. № 8.
7. Должиков А.В. Конституционный принцип определенности и основные права // Стабильность и динамизм общественных отношений в Российской Федерации: правовые аспекты: материалы Всероссийской научной конференции / отв. ред. В.Я. Музюкин. Барнаул, 2005.
8. Олссон (Olsson) против Швеции: постановление Европейского Суда по правам человека от 24 марта 1988 г. // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000. Т. 1.

9. По делу о проверке конституционности положения пункта 11 статьи 38 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в связи с жалобой гражданина И.Н. Куашева: постановление Конституционного Суда РФ от 20 апр. 2009 г. № 7-П // СЗ РФ. 2009. № 19. Ст. 2390.
10. Памятники русского права / под ред. С.В. Юшкова. Вып. 1: Памятники права Киевского государства: X–XII вв. / сост. А.А. Зимин. М., 1952.
11. Карагодина Н.П., Тычинин С.В. Обязательства вследствие причинения вреда чести и достоинству личности в законодательстве Древней Руси // История государства и права. 2010. № 3.
12. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. М., 1984.
13. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яновича Максима Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 1064, пунктом 1 статьи 1079 и абзацем вторым пункта 2 статьи 1083 Гражданского кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 21 февр. 2008 г. № 120-О-О. (Документ опубликован не был) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
14. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ильменейкина Павла Вениаминовича на нарушение его конституционных прав подпунктом «а» пункта 3 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»: определение Конституционного Суда РФ от 19 марта 2009 г. № 231-О-О. (Документ опубликован не был) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
15. Опалев Р.О. Оценочные понятия в арбитражном и гражданском процессуальном праве. М., 2008.
16. Власенко Н.И. Методологическая результативность исследования определенности права // Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики: материалы XII Международной научно-практической конференции: в 3 ч. М., 2018. Ч. I.
17. Бондарь Н.С. Правовая определенность – универсальный принцип конституционного нормоконтроля (практика Конституционного Суда РФ) // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 10. С. 4–10.
18. Султанов А.Р. Правовая определенность – часть должной правовой процедуры или как закон об экстремизме правовую определенность вводили // Адвокат. 2015. № 1. С. 5–17.
19. Randy E. Barnett. Constitutional Legitimacy. 103 Colum. L. Rev. 111–148, 2003.
20. Пресняков М.В. Основные институты народовластия в современной России: формальная или реальная демократия // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 11. С. 58–63.
21. Экиштайн К. Принцип веры и доверия. Принцип стабильности правовых условий, или принцип правовой определенности // Вестник публичного права. 2004. № 6. С. 3–6.
22. Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики (развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М., 2004.
23. Пресняков М.В. Ограничения на работу с детьми: новеллы действующего законодательства // Трудовое право. 2013. № 2. С. 41–57; № 3. С. 39–56.
24. Определение Конституционного Суда РФ от 8 февр. 2007 г. № 321-О-П // СЗ РФ. 2007. № 26. Ст. 3210.
25. Определение Конституционного Суда РФ от 4 апр. 2006 г. № 89-О // СЗ РФ. 2006. № 23. Ст. 2553.
26. Определение Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2009 г. № 553-О-П (Документ опубликован не был) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
27. Гарлицкий Л. Правовое государство и конституционное правосудие в Польше // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2002. № 1 (38).
28. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 нояб. 2017 г. № 34-П // СЗ РФ. 2017. № 49. Ст. 7532.